

УДК 821.161.14; 81.255

ББК 81.2

ПЕРЕВОД КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО И ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ

Т.К. Жорж

Аннотация. *Обращение к интеллектуальной истории показывает возможности и пределы российско-испанского кросс-культурного диалога, позволяет корректировать устоявшиеся стереотипы восприятия. Автор рассматривает переводчика как промоутера культуры-донора, посредника в межкультурной коммуникации, процессе рецепции, создания имиджа территории. Статья посвящена лирике Бродского с точки зрения передачи при переводе на испанский язык лингвистических, историко-культурных реалий с учетом переводческой традиции в диахронической перспективе. В большинстве проанализированных переводов нейтрализуются многостильность, дающая ощущение разговорности, художественные особенности (оксюморон, метонимия, фразеологизм) языка, а также национально-исторические реалии эпохи, т.е. редуцируется оригинальная образная семантика и стилистическая окраска.*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, кросс-культурный диалог, Бродский, перевод, реалия.*

364

TRANSLATION AS A CONECTING LINK AND CONVERGENCE FACTOR

T.K. George

Abstract. *The address to intellectual history shows potential opportunities and limits of the Russian-Spanish cross-cultural dialogue and allows to correct the settled stereotypes in the history of both countries. The author considers the translator as a promoter of donor's culture, an intermediary in cross-cultural communication, process of reception, literary creation of image of the territory. The article studies the Brodsky's lyrics when translated into Spanish those linguistic, historical and cultural realities taking into consideration the translation tradition in diachronic perspective. In the majority of analyzed interpretations the plurality of original style that gives feeling of a colloquial language, as well the figures of speech (oxymoron, metonymy, phraseological unit) and also national and historical realities of*

soviet era are neutralized, i.e. original figurative semantics and stylistic coloring are reduced.

Keywords: *cross-cultural communication, cross-cultural dialogue, Brodsky, translation, reality.*

Межкультурная коммуникация проявляется во всех сферах жизни современного общества, это основной фактор межкультурных процессов. Знание других культур позволяет признать сам факт, познать природу различий и относиться к другим культурам с пониманием и терпимостью, что необходимо для подлинного межкультурного диалога.

Сейчас исследователи, наряду с проблемами рецептивной эстетики, занимаются вопросами сугубо прикладными: например, «литературным туризмом», процессами создания «имиджа» территории. Невозможно переоценить роль и значение перевода в развитии и поддержании межкультурных отношений; равно определяющую роль играет перевод в формировании вторичной картины мира. В многоплановом, многокомпонентном процессе кросс-культурной коммуникации неизменно отражается *память* интеллектуальной истории, обращение к которой способствует преодолению стереотипов восприятия.

Российско-испанский культурный диалог XXI века можно было бы охарактеризовать как преимущественно *настороженный*, тем не менее, интерес к России, русской литературе и культуре в Испании существовал с древних времен, многие писатели (например, Лопе де Вега «Новые деяния Великого князя Московского» 1606, Сервантес «Стран-

ствия Персилеса и Сихисмунды» 1616, Э. Суарес де Мендоса и Фигероа «Московская повесть об Эвсторхио и Клорине» 1629 и др.) обращались к русской тематике, а поэт Мануэль Рейна считал Александра Пушкина одним из учителей [1; с. 3]. Переводов на испанский язык произведений русской литературы — немало. Одна из причин тому — пристрастие испаноязычного читателя к извечной проблеме добра и зла, свободы, универсальным общечеловеческим ценностям [2], таким, какие исследует русская литература в лице и, например, Достоевского, и Бродского. Широко известный тезис о сходстве испанского и русского характеров, типологических перекличках испанской и русской литератур не теряет актуальности несколько веков: об этом писали Эмилия Пардо Басан, Унамуну, Хуан Рамон Хименес, Ортега-и-Гассет, Гарсия Лорка, а ближе к нашему времени — профессор испанской и латиноамериканской литературы Шанцер [2]. Идею эту четко выражает и наш современник, профессор Барселонского университета, переводчик Р. Сан Висенте: «Что такое русская душа? Что более всего на нее похоже? Быть может, испанская душа? Живешь на границе частей света и постоянно задаешься вопросом о душе» [3].

Проблемы передачи при переводе художественного текста лингвистических, историко-культурных ре-

алий неизменно привлекают внимание филологов (Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, С. Влахов и С. Флорин, Н.К. Гарбовский, Т.А. Казакова, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Ю.П. Солодуб, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер и др.). Творчество Бродского, не ставшее на испаноязычной почве объектом специального исследования с этой точки зрения, представляет несомненный интерес. В нем за извечной концентрированностью личностно-субъективного, лирико-автобиографического просвечивает сильнейший сгусток национально-исторического колорита. За позицией и представлением человека и, прежде всего, самого автора, индуктивным методом, от частного, личного — к общему, проглядывает эпоха. Создается широчайшее полотно *первичной картины мира*. Этим делается шаг в сторону лиро-эпичности и создаются дополнительные трудности переводчику в процессе нейтрализации значительного *лингво-этнического барьера*, обусловленного принадлежностью гипотетических коммуникантов к разным лингво-культурным общностям. Речь идет о расхождении языковых систем и норм, речевых узусов и фоновой преинформационной базы, экстралингвистических знаний носителей языков. Например, в переводе стихотворения «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» (1970) испанского журналиста и переводчика кубинского происхождения Э. Эрнандеса Бусто — помимо вольной передачи структуры и неоправданного перехода с авторского обобщающего *ты* на *Вы* множественного числа — видим опущение или подмену реалий. Так, некорректно

трактуются *мотор* (такси), разомкнутая философская дихотомия Солнце — Шипка (равно низкосортные болгарские сигареты, в 1960–1970-е годы распространенные в СССР) превращается в социальную оппозицию Marlboro — Delicados [4]:

*“No salgan de sus cuartos,
no cometan errores,
¿para qué los Marlboro,
si fumas Delicados?
Tras la puerta, la dicha, sus gritos:
lo insensato.
Salgan para ir al baño, y vuelvan
de inmediato.
No salgan de sus cuartos,
no enciendan los motores. ...”*

Также не понято и, соответственно, опущено качественно-обстоятельное наречие с разговорным оттенком: «как заметила форме в сердцах субстанция» (*“como forma dentro de la sustancia”*). Или почти курьезное непонимание вводного слова с разговорным оттенком *чай*, употребленного автором для подчеркивания достоверности высказывания, которое переводится как *чай* (напиток): *На улице, чай, не Франция (Afuera solo hay té, afuera no está Francia)*.

Очень показательны для осмысления испанской традиции перевода одного из самых известных стихотворений Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» (1980), вызывающего споры и разнообразие интерпретаций. Например, сравнивая только две последние строки, нельзя не отметить их стилистическую контрастность: сниженно-разговорный стиль, натурализм при описании собственной смерти (*забить рот глиной*) и выражение

чувства *благодарности*. Диссонанс между первой и второй частью сложноподчиненного предложения настолько ярко обозначен, что за ним прочитывается даже не ирония, а сарказм со стороны поэта. Возникает ассоциация с чукчей из анекдота советских времен и его чувством *большой благодарности*. С другой стороны, наблюдается пространственная разомкнутость: образ *забитого глиной рта* активно участвует в метатекстуальных переключках (Гейне и др.). Приведем буквальный перевод оригинала на испанский, выполненный нами:

* * *

*Yo entraba en la jaula en vez
de una fiera,
quetaba mi plazo y mote con un clavo
en una barraca,
vivía cerca del mar, jugaba a la ruleta,
comía con sólo el diablo sabe quién
vestido de frac.
Desde la altura de un glaciar observaba
el medio mundo,
me ahogué tres veces, dos veces fui rajado.
Abandoné el país que me había
alimentado.
Será una ciudad de los que me tienen
olvidado.
Vagaba por las estepas, que se acuerdan
de los alaridos de un huno,
me ponía todo lo que volvía a estar
de moda
sembraba el centeno, cubría graneros
con una chapa negra
y lo único que no bebía fue el agua seca.
Dejé entrar en mis sueños una pupila
pavonada de una escolta,
zampaba el pan de exilio sin dejar migas.
Permitía a mis cuerdas vocales todos
los sonidos aparte del aullido;
pasé al susurro. Ya tengo cuarenta.*

*¿Qué digo de la vida? Que resultó
ser larga.*

*Me siento solidario sólo con una pena.
Pero mientras no tenga mi boca tapada
con una arcilla,
no saldrá de ella más que una gratitud.*

24 mayo 1980

Отметим, что все обнаруженные нами переводы отличает высокий уровень и бережное отношение к факту иноязычной культуры. Переводчики лично — корнями, образованием — тесно связаны с русской литературой и культурой.

В переводе Рубена Дарио Флореса Арсилы [5], выпускника Университета дружбы народов РФ, советника Посольства Колумбии в России, отметим: 1) четкость, отсутствие переводческого внутри-текстового комментирования: *en lugar del salvaje animal (вместо дикого зверя в клетку)*; 2) стремление передать/ компенсировать разговорно-сниженный оттенок лексики исходного текста: *sin perder una migaja devoré el pan del destierro (жрал хлеб изгнания, не оставляя корок)*; *fui cortado (распорот)*. При этом наблюдаются: 3) тенденция к завышению стиля, редукции, нейтрализации разговорного оттенка: *me fui errante (слонялся)*, *los ecos de Atila (вопли гунна)*; опущения разговорно-сниженной лексики (*сызнова, кликуха*); 4) несохранение отдельных речевых фигур: метонимия *бросил страну, что меня вскормила* опускается; при передаче фразеологического сращения *обедал черт знает с кем во фраке (vestido de frac cené con quien resultaría un traidor)* допускается смысловая ошибка и вольность толкования; однако оксюморон *и не пил только сухую воду*

воспроизводится корректно (*у lo único que no bebí fue agua seca...*); 5) смысловые ошибки: *выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке* (*consumí mi tiempo y atravesé la histeria en una barraca*); *покрывал черной толью гумна* (*me protegía con encera-do para embalajes*); 6) расширительный перевод: *ставил наудачу* (*aposté al azar*). К варианту вольного толкования можно отнести и разбивку, с целью создания эмфазы, 16-ой строки *...перешел на шепот. Теперь мне сорок. (...modulé después el susurro. / He cumplido cuarenta años.)*

Татьяна Зенцова и Бернандо Сьюберказо (Чилийский университет), предвзято свой перевод [6], отмежевываются от переводчиков, которые с целью сохранения звука и рифмы утяжеляли и усложняли текст. Цель свою они видели в воссоздании, прежде всего, образа и эмоциональной атмосферы. В их версии отметим: 1) своевольную структурную разбивку; 2) тенденцию к описательности, толковательному комментированию: *Я входил вместо дикого зверя в клетку* (*Estuve en una jaula en el lugar que debió oscurar un animal salvaje*); *срок* (*el plazo que me quedaba por cumplir*), *не пил только сухую воду* (*bebía todo lo que me pusieran por delante*); 3) несохранение стилистических фигур (оксюморон); 4) смысловые ошибки: *покрывал черной толью гумна* (*me cubría con cartón*); 5) изменение стилистической окраски по причине нейтрализации разговорно-сниженной лексики: *распорот* (*crucificado*), *кликуха* (*apodo*), *жрал* (*mascaba*) или опущения разговорно-сниженной лексики (*сызнова*); однако в отдельных случаях разговорный оттенок сохраняется: *сло-*

нялся (*vagüé*). Есть и несомненные находки: *черт знает с кем во фраке* (*cualquier pajarraco vestido de frac*); *вопли гунна* (*el alarido de los Hunos*).

В переводе Рикардо Сан Висенте [7] — сына одного из «испанских детей», советника по вопросам русской литературы, многие годы председателя жюри Премии Ельцина за лучший перевод произведений русской литературы на испанский язык — отметим 1) сгущение «романтической» мрачности, некогда очень характерное для испанской переводческой практики (вспомним пример А.С. Пушкина): *черная толь* (*negro sudario*); *вороненый зрачок конвоя* (*pupila siniestra*); 2) нейтрализацию сниженной лексики: *кликуха* (*apodo*), *слонялся в степях* (*me he perdido en estepas*), *жрал* (*he comido*); смысловые ошибки: *трижды тонул, дважды бывал распорот* (*zozobrado tres veces, dos de ellas lograron rajarme*); представляется, однако, что *rajar* — блестящий вариант перевода авторского *распорот*. Удачным видится перевод 12-ой строки *agua seca tan sólo no he llegado a probar*, ведь оксюморон *и не пил только сухую воду* можно контекстуально трактовать как пребывание в разных жизненных ситуациях.

В анонимном переводе (Доминиканская республика) [8] отметим: 1) нейтрализацию разговорной, разговорно-сниженной лексики: *что сызнова входит в моду* (*vuelve a estar de moda*), *кликуха* (*apodo*); однако можно считать адекватным вариант *Me he descolgado* (*Я слонялся в степях*) с явным разговорным оттенком, *descuartizado* хотя и некорректно воспроизводит семантику оригинального *распорот*, но зато воссоздает раз-

говорный стиль; 2) смысловые ошибки: *срок (oración); и не пил только сухую воду (у no he bebido sólo agua)*; 3) неоправданные неадекватные замены: *обед (cena), рожь (cebada)*.

Особенно показателен интерес переводчика к форме, стремление воспроизвести синтаксическую анафору, ведь Бродский отходит от характерного для него в 70–80-х гг. синтаксиса: произведение написано вольным дольником, переходящим в акцентный стих с регулярной женской рифмой (ábab), нет ни инверсий, ни конфликтов с ритмом. Монотонность протокольного стиля, ассоциирующаяся с анкетой, ответами на вопросы следователя, придает стихотворению своеобразную конспективную лаконичность, что нетипично для насыщенной анжамбеманами поэтики Бродского того периода, сравним, например, отрывок из стихотворения «Муха» (1985). Т. Зенцова и Б. Сюберказо («Tú, mosca») не сохраняют в своем переводе строфику, поэтические тропы, прежде всего, анжамбеманы, вольно обращаются с оригиналом, пропуская отдельные фразы и даже целые строфы:

VI.

*«О чем ты гредишь? О своих избитых,
но не рассчитанных никем орбитах?
О букве шестирукой, ради
тебя в тетради*

*расхристанной на месте плоском
кириллициным отголоском
единственным, чей цвет, бывало,
ты узнавала*

*и вспархивала. А теперь, слепая,
не реагируешь ты, уступая
плацдарм живым брюнеткам, женским
ужимкам, жестам».*

VI.

*“¿Qué estás soñando? ¿Acaso,
en tus infinitas y no calculadas órbitas?
¿O en una letra de 6 patitas en el cuaderno,
en honor a ti?
Ahora ciega tu no reaccionas, dejando
el campo de operaciones
a los gestos y muecas de las morenas”.*

Вопрос о переводчике — посреднике в межкультурной коммуникации, процессе рецепции, *промоутере* культуры-донора неизменно актуален. Особенную насущность приобрела проблема подготовки филологов-славистов, потенциальных переводчиков русскоязычной литературы. Наши испанские коллеги проявляют озабоченность, что современная традиция переводить с оригинала, а не через французские или немецкие посредники, как это было когда-то, во многом укрепившаяся благодаря второму поколению *русских детей* и подхваченная целым рядом блестящих переводчиков, выпускников филологических факультетов, может быть прервана. Профиль филолога-слависта в условиях Болонского процесса вымывается из университетов Испании: «*Специальность филолога-слависта исчезла...*», «*...мы де-факто перестали выпускать славистов...*», «*...это как минимум четырех или пятилетний учебный план, который в настоящее время исчез на нашем факультете (Барселонский университет. — Т.Ж.) и практически на всех филологических факультетах Испании*» [9].

Резюме. Русская литература привлекает испанского читателя. Обращение к интеллектуальной истории показывает возможности российско-испанского кросс-культурного диалога.

Тексты переводов Бродского следуют за оригиналом в части эмоциональной и оценочной коннотации. Основную цель переводчики видели в сохранении общей эмоционально-эстетической ценности, но также и передаче формальных и смысловых особенностей оригинала. Тексты переводов стихотворений в целом стремятся к лингвистической (грамматической и лексической) точности, реже — к воспроизведению интонационных структур исходного текста (метрика и ритмика, синтаксическая анафора). В переводах, хотя и обнаруживается установка переводчиков на компенсацию стилистических средств оригинала соответствующими средствами иностранного языка, ряд единиц утрачивает свою просторечную окраску. Многостильность, столкновение стилистических пластов — разговорной, сниженной и, с другой стороны, возвышенной и даже высокопарной лексики, т.е. соединение высокого и низкого стилей, рождающее ощущение неожиданности, разговорности — в большинстве своем нейтрализуется. Особенности художественного языка Бродского (оксюморон, метонимия, фразеологизм) по преимуществу опускаются/редуцируются/передаются описательно. Встречаются неоправданные переводческие замены и даже смысловые ошибки. Трудные для передачи национально-исторические реалии эпохи нейтрализуются, опускаются или добавляются уточнения, т.о. редуцируется оригинальная образная семантика и стилистическая окраска.

Вопрос о переводчице — посреднике в межкультурной коммуникации, процессе рецепции неизменно

актуален, однако особенную насущность приобретает в Испании проблема подготовки филологов-славистов, потенциальных переводчиков русскоязычной литературы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев, М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI – XIX вв. [Текст] / М.П. Алексеев. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. — 217 с.
2. *Schanzer George, O.* Russian literature in the Hispanic world: a bibliography. La literatura rusa en el mundo hispánico: bibliografía [Text] / O. Schanzer George. — Toronto: University of Toronto Press, 1972. — 312 p.
3. *Rodríguez Marcos, J.* Entrevista: Almuerzo con ... Ricardo San Vicente “La hora de un traductor vale como la de la limpieza” [Text] / Marcos J. Rodrigues // El País, 11 May 2011 [Electronic resource]. — URL: http://elpais.com/diario/2011/05/11/ultima/1305064802_850215.html (дата обращения: 12.11.2016).
4. *Hernández Busto, E.* No-salgan-de-sus-cuartos [Electronic resource] / E.Hernández Busto // Letras libres. — URL: <http://184.72.35.63:8080/revista/poemas/> (дата обращения: 12.05.2018).
5. *Flórez Arcila, Rubén Darío.* Poemas de Joseph Brodsky [Electronic resource] / R.D. Flórez Arcila // Círculo de poesía 25.01.2012. — URL: <https://circulodepoesia.com/tag/ruben-dario-florez-arcila/> (дата обращения: 28.05.2018).
6. Fin de una época maravillosa, Antología poética de Joseph Brodsky / Introducción, traducción y notas: Tatiana Zentsova y Bernardo Subercaseaux // Cyber Humanitatis: N° 35 (Invierno 2005). — Universidad de Chile, Facultad de Filosofía y Humanidades [Electronic resource]. — URL (дата обращения: 19.10.2016).
7. *Brodsky, Joseph.* No vendrá el diluvio tras nosotros [Text] / J. Brodsky; ed. de R. San Vicente. — Galaxia Gutenberg, 2000. — 222 p.
8. *Brodsky, Joseph.* Antología esencial. Muestario de poesía 24 [Text] / J. Brodsky. —

Santo Domingo, República Dominicana, 2009. — P. 31-32 [Electronic resource]. — URL: <http://files.bibliotecadepoesiacontemporanea.webnode.es/200000139-1ab431bac2/Joseph%20Brotsky%202.pdf> (дата обращения: 30.05.2018).

9. *San Vicente Ricardo*. El hombre soviético no ha desaparecido todavía. — Universitat de Barcelona, 03.11.2015 [Electronic resource]. — URL: http://www.ub.edu/web/ub/es/menu_eines/noticies/2015/entrevistes/sanvicente.html (accessed: 27.05.2018).

REFERENCES

1. Alekseev M.P., *Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnyh otnoshenij XVI — XIX vv.*, Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1964, 217 p. (In Russian)
2. Brodsky Joseph, *Antología esencial. Muestrario de poesía 24*, Santo Domingo, República Dominicana, 2009, pp. 31-32, available at: <http://files.bibliotecadepoesiacontemporanea.webnode.es/200000139-1ab431bac2/Joseph%20Brotsky%202.pdf> (accessed: 30.05.2018).
3. Brodsky Joseph, *No vendrá el diluvio tras nosotros*, Ed. de R. San Vicente, Galaxia Gutenberg, 2000, 222 p.
4. Fin de una época maravillosa, Antología poética de Joseph Brodsky, Introducción, traducción y notas: Tatiana Zentsova y Bernardo Subercaseaux, *Cyber Humanitatis: N° 35* (Invierno 2005), Universidad de Chile, Facultad de Filosofía y Humanidades, available at: <http://www.cyberhumanitatis.uchile.cl/index.php/RCH/article/view/5808/5676> (accessed: 19.05.2018).
5. Flórez Arcila, Rubén Darío, “Poemas de Joseph Brodsky”, 25.01.2012, in: *Círculo de poesía*, available: <https://circulodepoesia.com/tag/ruben-dario-florez-arcila/> (accessed: 28.05.2018).
6. Hernández Busto E., *Letras libres*, available at: <http://184.72.35.63:8080/revista/poemas/nosalgan-de-sus-cuartos> (accessed: 12.05.2018).
7. *Ricardo San Vicente: “El hombre soviético no ha desaparecido todavía”*, Universitat de Barcelona, 03.11.2015, available at: http://www.ub.edu/web/ub/es/menu_eines/noticies/2015/entrevistes/sanvicente.html (accessed: 27.05.2018).
8. Rodríguez Marcos J., Entrevista: Almuerzo con ... Ricardo San Vicente “La hora de un traductor vale como la de la limpieza”, *El País*, 11 May 2011, available: http://elpais.com/diario/2011/05/11/ultima/1305064802_850215.html (accessed: 12.11.2016).
9. Schanzer George O., *Russian literature in the Hispanic world: a bibliography. La literatura rusa en el mundo hispánico: bibliografía*, Toronto. University of Toronto Press, 1972, 312 p.

Жорж Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, Tatianaguseva@yahoo.com

George T.K., ScD in Philology, Professor, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow Pedagogical State University, Tatianaguseva@yahoo.com